

— помазаннике божьем, всемогущем повелителе ойкумены, о неоспоримом преимуществе православия.

Но беспримерный политический кризис, военное поражение, распад государства, потеря Константинополя, впервые со времени его основания оказавшегося в руках завоевателей, не привели тем не менее к кризису духовному. Переосмысление упомянутых выше догм имело своим результатом не отказ от них как от несостоятельных, а более трезвую оценку ситуации и собственных сил для нового, повторного претворения в действительность прежних имперских идеалов, неотделимых от самой природы ромея. Вернуться из «изгнания», отвоевать Константинополь и тем самым доказать преимущество ортодоксии перед «латинской ересью» стало сверхценной идеей, главной целью, вдохновляющей государственных, церковных и культурных деятелей во всех тех регионах рухнувшей империи, которые сохранили свою независимость от западных рыцарей и постепенно консолидировались и окрепли как новые государственные образования.

Пережитая византийцами в начале XIII в. трагедия сопровождалась огромными материальными потерями, разрывом устоявшихся экономических связей, дезорганизацией общественно-политической жизни, крупными миграциями населения, падением роли церкви и монастырей в их общественной и нравственно-учительской деятельности, утратой множества памятников культуры и искусства, включая библиотеки, бесчисленное количество ценнейших рукописей по всем областям знания.

Разумеется, все это не могло не иметь самых серьезных последствий для судеб византийской культуры. Но сами эти последствия не могли не быть разными в различных частях бывшей империи, даже в пределах не подвластных латинянам территорий, как по-разному и разными темпами протекали здесь сами процессы формирования и упрочения самостоятельных государств. Учитывать это обстоятельство тем более необходимо, что избегнувшие латинского владычества территории были в разное время воссоединены с восстановленной (с отвоеванием Константинополя в 1261 г.) империей, а некоторые из бывших имперских земель (например, Трапезундская империя) навсегда после 1204 г. остались за пределами Византии.

Конечно, традиции византийской культуры, восходившие к предшествующим эпохам, не исчезли нигде, как не исчезло само местное население. Однако степень преемственности между старыми традициями и культурой Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи не могла быть совершенно одинаковой, как и пути и темпы культурного развития самих этих государств, оказавшихся в разных исторических условиях, имевших в составе своего населения (в особенности Эпир и Трапезунд) значительные иноэтничные, негреческие слои населения с присущими им культурными особенностями и взаимодействовавших с разными зарубежными культурными центрами.

С этой точки зрения совершенно особыми были и государственно-политическое положение, и культурное развитие тех византийских земель, которые на очень длительный срок или вплоть до самой гибели империи оказались в пределах так называемой Латинской Романии, под властью западных рыцарей. Здесь одновременно с утверждением католической церкви в качестве официальной, с почти повсеместным притеснением приверженцев православия (т. е. местных жителей) и с этническими {8} переменами, в том числе с ассимиляционными процессами и с появлением в результате смешанных браков особого слоя людей — гасмулов, протекал сложный синтез византийской (грекоязычной) и западных, современных ей (французской, итальянской, испанской) культур.

К числу других политических факторов, оказавших в конечном счете существенное влияние на судьбы культуры поздней Византии, принадлежало, по-видимому, и отвоевание у латинян Константинополя в 1261 г. Сколь ни пострадал от латинян огромный древний город, он не утратил полностью былого обаяния, возродившись в качестве столицы Византии, став снова главным очагом византийской культуры, идейно организующим центром империи, законодателем стилей и жанров в литературе и искусстве, генератором идей в философии, политике, дипломатии, образовании, эстетике и т. п., средоточием культурного обмена между странами Востока и Запада. Главное же состояло, по всей вероятности, в том, что отвоевание Константинополя воспринималось как решающий акт победы над латинянами, акт торжества православия, возрождения славы империи и блеска ее культуры, содействовало ликвидации обуревавшего византийцев с 1204 г. душевного разлада, возрождало надежды на новые успехи и уверенность в будущем. До полного воссоединения территорий было еще далеко. Эпирское царство было окончательно подчинено лишь в 1337 г., из Греции последние латиняне (ката-